

«Я получил сей дом от Господа»

Музыка Веделя отличается глубокой искренностью, вниманием к молитвенному тексту и возвышенной сентиментальностью

Владимир Ковальджи

Церковная музыка – один из важнейших элементов богослужения наряду с самим зданием храма, иконами, облачениями, утварью и т.д. Но храм строится единожды и надолго; так же – икона и все остальное. И только пение каждый день звучит заново. Оно – не место, антураж или объект молитвы, но сама молитва. Не случайно поэтому, что оно вызывает горячие споры между приверженцами разных стилей и школ.

Одним из типичных обвинений в адрес церковной му-

временники писали: «Мнози бо от сих учителей славнии во дни наша на кабаках валяюща-ся померли странными смер-тьми...» (инок Евфросин, XVII в.). Во-вторых, и среди церковных композиторов времен господства «итальянского» стиля было немало и священников, и просто глубоко благочестивых верующих.

Например, Артемий Ведель. Музыка Веделя отличается, пусть и при полном подчинении господствовавшему тогда «итальянскому» стилю, глубокой искренностью, вниманием к молитвенному тексту и возвышенной сентиментальностью. Несмотря на многочис-

Среди церковных композиторов времен господства «итальянского» стиля было немало и священников и просто глубоко благочестивых верующих

зыки конца XVIII – начала XIX в. является то, что тогдашний стиль, мол, был принесен извне – итальянскими музыкантами, работавшими при дворе, а самыми известными авторами песнопений были люди, далекие от истинно подвижнического духа.

Так ли это? Если и так, то только отчасти. Во-первых, и среди распевщиков старейшего времени люди бывали самые разные, вплоть до таких, о которых со-

ленные запреты свыше и очень долгое – до конца XIX в. – полное отсутствие публикаций, некоторые его сочинения (прежде всего «Покаяния отверзи ми двери» и ирмосы Пасхи) стали едва ли не обязательной частью репертуара многих церковных хоров и остаются таковыми поныне.

Что же это был за человек, творения которого, с одной стороны, являются объектами чуть ли не самой яростной критики, а с другой – так лю-

Независимая – 2002 – 5 июня – с. 12.

Киево-Печерская лавра. Здесь подвизался Артемий Ведель.

бимы церковным народом и практически стали частью певческого обихода?

Артемий Лукьянович Ведель родился в Киеве примерно в 1767 г. в мещанской семье. С детства он имел замечательный, удивительно красивого тембра и полетности голос. Ве-

дель поступил в академический хор, а позже и в саму Киевскую духовную академию, где учился в философском классе. Будучи

не только обладателем прекрасного голоса, но и чрезвычайно способным музыкантом-самойкой, он вскоре стал регентом академического хора, а также первым скрипачом-солистом в студенческом оркестре.

Слава о чудесном теноре и музыкальных талантах Веделя шла далеко за пределами Киева. Московский генерал-губернатор Еропкин, который был большим любителем музыки и

церковного пения, выписал его в Москву и поручил управление своим хором.

Известно, что в эти годы в Москве не раз бывал Джузеппе Сартти, возглавлявший «императорскую музыку» при дворе Екатерины II, и хотя о какой-либо систематической школе говорить не приходится, но все же не исключено, что капельмейстер генерал-губернатора мог встречаться с прославленным маэстро, а может быть, и пользоваться его уроками.

В 1794 г. после смерти Еропкина Ведель вернулся в Киев. Юный Петр Турчанинов (будущий протоиерей, преподаватель Придворной певческой капеллы, известнейший церковный композитор и гармонизатор), который пел тогда в хоре генерала Леванидова, так вспоминает о своем первом знакомстве с Веделем: «Мы спели старинный концерт Рачинского «Возлюблю Тя, Господи», в котором есть соло тенору. И как Ведель запел, то генерал и все присутствовавшие восхищены были до небес. Я же забыл, где нахожусь, а только слушал и восхищался небесным пением Веделя».

Генерал Леванидов пригласил его управлять хором, произвел в поручика, затем в капитана и сделал своим адъютантом. Хор в короткое время стал лучшим в Киеве и, по отзывам современников, «достиг мистических вершин». Это период шумного успеха и расцвета композиторского таланта Веделя. Малороссийские помещики дорого платили за каждую его пьесу, переписанную для их капелл. А однажды, после исполнения концерта «Доколе, Господи», потрясен-

ный князь Дашков снял с себя расшитый золотом шарф и, положив в него 50 червонцев, подарил автору.

В 1795 г. Леванидова назначили в Харьков, и Ведель переехал туда. Петр Турчанинов, бывший его любимым учеником и живший несколько лет с ним вместе, в своих мемуарах изображает Веделя как человека высокорелигиозного, совершенно целомудренного, истинного постника и аскета в условиях мирской жизни – практически «монаха в миру». Состоя на военной службе, Ведель вел, однако, замкнутый и созерцательный образ жизни, избегал светского общества и каких-либо развлечений. Дома он занимался только сочинением музыки, чтением и молитвой. Почти ежедневно ходил в церковь, часто причащался, мяса не ел вообще, спал на грубом войлоке. Одновременно он старался по возможности скрывать свой образ жизни от товарищей (но Леванидов однажды подглядел в полуоткрытую дверь, что делает Ведель в свободное время – он стоял на коленях перед иконами и пел...).

В 1798 г. Ведель уволился со службы, бросил все аттестаты и чины, раздал имущество, вернулся в Киев и начал юродствовать. Многие считали его помешанным. Ходили также слухи, что он присоединился к какой-то секте вроде «иллюминатов». Но давно и близко знавшие его люди (например, Петр Турчанинов и киевский протоиерей И.Леванда) были уверены, что это юродство – добровольно и сознательно взятый на себя подвиг.

Вскоре Ведель поступил послушником в Киево-Печер-

скую лавру, продолжая и здесь вести себя странно. Турчанинов так вспоминает об одном своем посещении учителя: «Я нашел его в малой келье лежащим на каменном полу. Когда я вошел, то он долго лежал без всякого движения, и это меня так смутило, что я поколебался мыслями и подумал: не в самом ли деле он помешался? Как я это помыслил, он вдруг, вскочив, начал меня крестить и целовать и сказал: «Неужели, мой добрый Петр, и ты во мне усумнился?» Посадил меня на окошко, ибо ни скамейки, ни стула не было, и начал говорить такие видения и откровения, коих я и понять не мог. Только сказал, что скоро оставит Лавру».

А вскоре произошли странные события, многие обстоятельства которых так и остаются до конца неясными. Ожидали приезда Великого князя Константина Павловича. Киевский митрополит Мефодий попросил Веделя написать кантату на его встречу. Тот согласился, но когда подошел срок, вместо партитуры принес нечто совершенно иное – конверт на имя самого императора Павла. А затем исчез из Киева.

Записка, содержание которой остается неизвестным, была передана государю. Веделя стали разыскивать и вскоре задержали в Ахтырке, переправили в Киев и заключили в Инвалидный (сумасшедший) дом с тем, чтобы, согласно Высочайшему повелению, содержали его «пристойным образом, но не давали ему ни пера, ни бумаги, ни чернил»...

Ведель говорил посетившему его здесь Турчанинову, что он «рад, достиг цели» и ничего

уже не хочет, ибо «получил сей дом от Господа».

Многие киевляне, в том числе губернатор, заботились о нем и старались помочь материально, но он все раздавал бедным и солдатам.

В начале марта 1801 г. Турчанинов по поручению губернатора пришел спросить Веделя, не желает ли он ходатайствовать перед императором Павлом об освобождении из Инвалидного дома. Увидев Турчанинова, Ведель неожиданно стал убегать от него по коридорам, а когда наконец был настигнут, обернулся и закричал: «Ура! Александр на троне!» Через несколько дней из Петербурга дошло известие, что так оно и есть... Турчанинов вспоминал: «Это еще более укрепило меня и о. И.Леванду, что он юродствует добровольно и обладает даром пророчливости».

В некоторых источниках можно встретить утверждение, что Ведель умер в 1806 г. в Инвалидном доме. Однако наибольшего доверия заслуживает информация Турчанинова, который, хотя и жил к тому времени в Петербурге, наверняка поддерживал переписку со старыми знакомыми в Киеве и опирался на свидетельства очевидцев. Согласно Турчанинову, Артемий Ведель скончался в 1810 г. в родительском доме, куда вернулся за несколько дней до смерти, тихо отошел во время молитвы, стоя на коленях в садике у дома. Погребение было весьма многолюдным и торжественным. Однако спустя четверть века Турчанинов, побывавший проездом в Киеве, уже не смог отыскать его могилу.